

Виктор Кокосов¹

**КАК Я ОКАЗАЛСЯ
«И. О. СЕВЕРЯНИНА»**

Ровно сорок лет назад, когда весь огромный СССР готовился отпраздновать своё славное 60-летие, ленинградское руководство решило провести в Юсуповском дворце Северной столицы концерт студенческой самодеятельности, посвящённый столь славной дате. Будучи активным участником различных вузовских, районных, городских культурных мероприятий (одна наша весна в ЛЭТИ чего стоила — гремела по всей стране!) — как диктор, чтец, автор текстов и стихов — я был мобилизован на концерт в качестве диктора. Как выяснилось, потому что выпускник нашего родного ЛЭТИ и секретарь обкома КПСС товарищ Коржов обронил как-то кому-то по случаю, что у меня — левитановский голос.

Время было строгое. Страной управлял Юрий Владимирович Андропов, отказ вряд ли был бы принят. Да мне, честно говоря, и самому льстило, что позвали студента-технаря, а не парня с кафедры сценической речи Института культуры. Вторым диктором назначили девушку Машу из «тряпки» (для тех, кто не в курсе, — так в студенческой среде называли Институт текстильной и лёгкой промышленности). Режиссёр из Малого театра (фамилию которого я, увы, не запомнил) «дрессировал» нас три месяца, как цирковых зверушек. С той только разницей, что заставлял не только говорить когда требуется, а ещё и менять интонации,

¹ **Кокосов Виктор Николаевич** родился в Ленинграде, окончил Ленинградский электротехнический институт им. В.И. Ульянова (Ленина) и одновременно факультет общественных профессий по специальности «журналист». Работал в различных газетах, в том числе в 1988–1994 годы в газете «Вечерний Ленинград». Правнук русского писателя Владимира Яковлевича Кокосова. Журналист, писатель-прозаик. Член Союза писателей России, действительный член Русского географического общества. Публикуется в центральных российских газетах и журналах, автор ряда книг очерковой документальной прозы. Живёт в Санкт-Петербурге.

тембр голоса, учил, как обращаться на сцене с руками и т. д. По ходу дела он выбросил из программы несколько патриотических стишат, вместо которых я тут же придумал новые четверостишия (потом их напечатала наша многотиражка «Электрик», и газету я передал режиссёру «для отчёта» — самодеятельность тогда допускалась, но в «залитованном виде»).

И вот знаменательный концертный декабрьский день 1982-го настал! Собрались студенты-артисты, автор этих строк в лучшем костюме и белоснежной рубашке повторял про себя за кулисами слова приветствия, режиссёр нервно курил в кулак, но... не было второй ведущей! Маша как в воду канула! А тут ещё режиссёру сообщили, что на концерт приехал какой-то важный товарищ из ЦК и сам товарищ Коржов, который его сопровождает.

Режиссёр схватил меня за плечо и непечатно выругался.

— Да помню я Машкин текст, у меня память хорошая, — успокоил его я.

— Допустим, — выдохнул несчастный деятель искусства. — Но финальный стих про СССР! Он от женского лица!

И тут меня выручила любовь к поэзии, привитая мне прекрасно образованной ещё до революции бабушкой Елизаветой Ивановной:

— А давайте завершим такими строками про СССР. Только там про шестнадцатиреспубличный союз, а я скажу — пятнадцатии...

Я быстро прочитал на ухо режиссёру стихотворение:

*Шестнадцатиреспубличный Союз,
Опередивший все края вселенной,
Олимп воистину свободных муз,
Пою тебя душою вдохновенной! ...*

— Всё же просто, — успокаивал я режиссёра, — меняем шестнадцать на «пятнадцать», четверть века на «десятилетия»...

— Мы спасены! — воскликнул режиссёр. — Кто автор?

— Игорь Северянин, — улыбнулся я.

— Смерти моей хочешь, — зло усмехнулся служитель Мельпомены. — Он запрещён. Но этот стих никто не вспомнит, запишем на тебя.

— Но... — попыталась возразить я.

— Молчать! На сцену! Начинаем! — завопил режиссёр.

Концерт прошёл превосходно. Завершил я его чтением стихотворения Северянина, «проглотив», правда, одну строку, чего никто не заметил:

*И как я горд, и как безбрежно рад,
Что все твои республики стальные,
В конце концов он создал Ленинград,
И первую из них была — Россия!*

Зал Юсуповского дворца взорвался аплодисментами! И меня, и артистов несколько раз вызывали на «бис».

Режиссёр торжественно объявил, что прозвучали стихи советских поэтов — и перечислил много известных имён, начиная с Владимира Маяковского, а завершил: «...и Виктора Кокосова».

Но это было ещё не всё. К нам с режиссёром подошли секретарь обкома Коржов и важный гость из ЦК. Оба пожали мне руки. Коржов сказал:

— Вот видите, как я и говорил: представителю ЛЭТИ можно доверить любое дело — и он с ним справится. Надо дать Кокосову премию.

— Обязательно, — согласился режиссёр.

— А кто написал последнее стихотворение? — поинтересовался москвич.

— Это вот он, — хлопнул меня по плечу режиссёр.

— Прекрасное стихотворение! Продолжайте в том же духе, молодой человек! — снова пожал мне руку партработник. — И как написано! Классика просто!

В этот момент я покраснел — мне было стыдно принимать поздравления, причитавшиеся по праву Игорю Васильевичу Лотарёву, то есть Игорю Северянину.

Высокие гости поняли это по-своему:

— Скромность украшает! — резюмировал товарищ Коржов и увёл высокого гостя.

— Пошли пить шампанское, — радостно предложил режиссёр. — Мы — молодцы. А про Машку никто и не вспомнил.

...Правда, премию мне так и не дали. А я и не обиделся: она же по справедливости Северянину предназначалась.

Санкт-Петербург